

Приехав в Пекин, Чжэн Пин сначала позвонил бабушке Чжэну, чтобы сообщить, что они благополучно добрались, а затем вместе с Хань Чжицзюнем они забрали женщин, детей и немногочисленный багаж и сели на красно-белый автобус.

Их новое жилье в Пекине находилось на улице Дунсы Батяо, в маленьком сыхэюане. Хань Чжицзюнь ранее познакомился с другом на Хайнане, который жил там, и, приехав в Пекин, они обратились к нему за помощью. В сыхэюане была свободная комната, и две семьи могли там разместиться, хотя и тесновато.

Друга Хань Чжицзюня звали Гао Тинцюань, и имя у него было довольно модное. Говорили, что его отец любил слушать «Эрцюань иньюэ», поэтому так его и назвали. По аналогии, его брата и сестру звали Гао Тинъюн и Гао Тинъюэ.

В семье Гао Тинцюаня было много людей: в сыхэюане жили его жена, дочь, родители, младший брат, младшая сестра и родственники — всего три человека. По слухам, его родственник недавно разбогател и скоро переедет, поэтому уже почти не жил здесь, и комната пустовала. Тем не менее, на двери комнаты висели два больших замка, которые сразу бросались в глаза.

Чжэн Хайян, увидев такие большие замки на двери, сразу понял, что, скорее всего, у Гао Тинцюаня были плохие отношения с этим родственником, иначе зачем было ставить такие замки, чтобы досадить.

Комната была свободна, но друзья не могли в ней поселиться, и Гао Тинцюань чувствовал себя неловко, извиняясь перед гостями.

Хань Чжицзюнь протянул ему сигарету:

— Это мы пришли к тебе за помощью, живем в твоём доме, за что тебе извиняться? Если будешь так вежлив, мы уйдём.

Гао Тинцюань ответил:

— Нет, нет, хватит, хватит. Оставайтесь, и если что-то нужно, обращайтесь ко мне. Если меня нет, обращайтесь к моим братьям, сестрам или родителям.

Две семьи привезли с собой немного вещей, так что уборка прошла легко. Каждая семья получила по комнате, и все было как раньше. Бабушка Гао и жена Гао Тинцюаня приготовили большой стол еды, и вечером все собрались за круглым столом, было очень оживленно.

Мужчины пили, разговаривали и хвастались, женщины обсуждали бытовые дела, а дети, поев, спустились во двор играть.

У Гао Тинцюаня была дочь по имени Гао Ци, ласково — Цици. Ей было на год больше, чем Чжэн Хайяну, и она была немного выше. Трое детей собрались вместе, и только Хань И, которому было чуть больше года, выглядел совсем маленьким.

Цици была общительной девочкой, вероятно, из-за свободного воспитания, и в ней чувствовалась некоторая мальчишеская раскованность. Возможно, потому что Чжэн Хайян и его семья были гостями, она вела себя как хозяйка, говорила и действовала с уверенностью «главной», а когда увлекалась, даже поднимала подбородок и хлопала себя по груди.

Она видела, что Хань И маленький, и принесла ему свои игрушки, чтобы он поиграл. Когда она протягивала их, то даже не моргала, но потом украдкой бросала взгляд на игрушки, словно

сожалее о них. Это зрелище забавляло Чжэн Хайяна, и он думал, что эта девочка очень забавная.

Цици еще сказала:

— Папа сказал, что мне не нужно ходить в детский сад эти дни, я буду дома играть с вами. Скажите, во что хотите поиграть, я вас поведу.

Она поставила руки на боки, подняла подбородок и выглядела совсем как школьный начальник.

Чжэн Хайян посмотрел на нее и сказал:

— Ты, наверное, рада, что не нужно ходить в детский сад, да?

Цици, чьи мысли были разгаданы, тут же нахмурилась:

— Врешь, я совсем не рада!

Чжэн Хайян едва сдерживал смех.

Чжэн Хайян не знал, что другие делают в первую очередь, приехав в Пекин, но их семьи первым делом отправились гулять по городу. Это было их общее желание. Гао Тинцюань даже одолжил фотоаппарат и купил пленку, чтобы сопровождать их.

Великая Китайская стена, Запретный город, площадь Тяньаньмэнь — в каждом месте они обязательно радостно фотографировались: поодиночке, вдвоем, с детьми на руках, без детей.

Каждый раз, когда наступало время фотографий, Чжэн Хайян глубоко ощущал, что он стал «реквизитом». Его мама, Чэн Баоли, любила приседать, держа его за руку, и требовала, чтобы Чжэн Хайян улыбался в камеру. Улыбка должна была быть широкой, просто улыбка с закрытым ртом не подходила, лучше всего — оскал, чтобы глаза превратились в щелочки.

Маленькому Хань И было еще хуже. Днем, когда они вышли, Чэнь Линлин надела ободок для волос, и чтобы сделать фотографию сына более праздничной, она надела на него свой ободок. Ободок был ярко-желтым, с двумя большими красными цветами. Хань И с невинным выражением лица смотрел в камеру, украшенный двумя большими цветами на голове. Чжэн Хайян едва не подавился водой, увидев это.

В честь Азиатских игр перед площадью Тяньаньмэнь установили несколько больших декораций, включая огромного павлина и панду Паньпань, талисман Азиатских игр. В то время в Пекине было мало приезжих, и площадь Тяньаньмэнь казалась огромным пустым пространством, где можно было фотографироваться, не боясь, что кто-то попадет в кадр.

Они фотографировались перед площадью, под огромным павлином и пандой Паньпань. Чжэн Хайян и Хань И сделали несколько совместных фото, что было довольно мучительно. Чжэн Хайян держал Хань И перед собой, оба ребенка стояли рядом, смотря в камеру, на головах у них были ободки. На этот раз на голове Чжэн Хайяна красовались два больших цветка, а у Хань И — трехцветный ободок Чэн Баоли. На шеях у них были большие красные шерстяные шарфы.

Чжэн Хайян скептически смотрел в камеру, слыша, как Гао Тинцюань спрашивает свою дочь:

— Цици, как тебе братики?

Цици подняла подбородок, улыбнулась и энергично кивнула:

— Красивые!

Чжэн Хайян мысленно заметил: когда фото напечатают, он первым делом уничтожит их. Такая черная страница истории ему не нужна.

После трех дней в Пекине Гао Тинцюань продолжал хлопотать, а семья Гао была очень гостеприимна. Даже соседи улыбались и здоровались.

Дедушка Гао и бабушка Гао открыли в переулке котельную, где предоставляли горячую воду. Они рано вставали и много работали. Жена Гао Тинцюаня работала на почте, у нее была стабильная работа и хорошие льготы. Младший брат Гао учился в выпускном классе, а младшая сестра — в первом классе старшей школы. Когда они не учились, помогали в котельной. У самого Гао Тинцюаня не было постоянной работы, как и у Чжэн Пина и Хань Чжицзюня, он занимался всем, что приносило доход. Хотя работа была нестабильной, доход был неплохой.

Чжэн Пин и Хань Чжицзюнь приехали в Пекин, чтобы заработать на Азиатских играх, и это совпало с планами Гао Тинцюаня. Трое мужчин сидели в комнате, пили и обсуждали, как заработать деньги.

Чжэн Хайян хотел послушать их разговор, но просто сидеть в комнате было странно, поэтому он взял с собой Хань И, чтобы выглядеть, будто они играют. Как только они вошли, Цици тоже побежала за ними, чтобы поиграть вместе.

Взрослые сидели в комнате, двери не было, только занавеска. Чжэн Хайян, давая Хань И кубики, прислушивался к их разговору.

Гао Тинцюань сказал:

— В Деревне Азиатских игр уже все построено, ведь в сентябре она будет использоваться. Но сейчас там нельзя просто так торговать. Видишь, в городе уже начали вешать флаги, все должно быть чисто и аккуратно. Это же событие у стен Запретного города, люди из других стран приедут.

Он сделал паузу.

— И сейчас такие, как мы, пытаются что-то придумать, но сейчас все строго. Раньше можно было просто поставить лоток в людном месте и заработать, а сейчас попробуй поставь у входа на стадион — через полминуты тебя прогонят.

Хань Чжицзюнь кивнул, закуривая.

Гао Тинцюань продолжил:

— Но знаешь, для такого большого события нужны деньги. Я слышал, что у руководства не хватает средств, они ищут спонсоров среди крупных компаний, и еще вот это.

Он встал, порылся в шкафу и достал что-то вроде закладки.

Это была прямоугольная карточка, наверху была изображена марка, под ней цифра «1 юань», а в самом верху было написано: «Лотерейный билет фонда XI Азиатских игр». Под изображением

была таблица с годами и местами проведения предыдущих Азиатских игр, а ниже — номер группы и две большие строки: «Второй розыгрыш», «Первый розыгрыш».

<http://bllate.org/book/16484/1497968>